

ЭКОНОМИКА

УДК 33

В. И. Пефтиев

Отношения труда и капитала в XXI в.: концептуальные заметки

В статье систематизированы основные направления изучения отношений труда и капитала с учетом реалий XXI в.

Ключевые слова: экономическая теория, трудовая концепция, присвоение по капиталу, отношения труда и капитала, кризис социально-рыночного хозяйства, социал-демократия.

V. I. Peftiev

Work and Capital Relations in the XXI century: Conceptual Notes

In the article the basic directions of studying the relations of work and capital taking into account the XXI- century realities are systematized.

Keywords: the economic theory, a labour concept, assignment on assets, work and capital relations, a crisis of social and market economy, social democracy.

Политэкономия, бывшая когда-то центром притяжения экономических и социогуманитарных наук, испытывает системный кризис. Его истоки давние и глубокие: внутренние противоречия во взглядах на предмет и метод политэкономии А. Смита (1776), Д. Риккардо (1817), Дж. Ст. Милля (1848) и К. Маркса (1867); мощный оппонент в лице маржинализма (70–79 гг. XIX в.), а затем и экономикс (А. Маршалл и его последователи); крах догматического марксизма в СССР и триумф институционализма [4, с. 18]. Отчаянные и неоднократные призывы к возрождению политэкономии [12] отторгаются научным сообществом и практикующими экономистами. Ссылки на факты изучения политэкономии и наличие докторской степени по политэкономии в ведущих вузах Европы и США – аргументы не к месту и не по адресу. За рубежом иное понимание политэкономии – взаимодействие экономики и политики, то есть продолжение традиции А. де Монкретьена, изложенной почти 400 лет тому назад. Там политэкономия имеет четко выраженную прагматичность: подготовить студентов и аспирантов к принятию важных политико-экономических решений в правительственных учреждениях, крупных фирмах, в международных организациях. Исследования общих и специфических законов систем хозяйствования не

являются самоцелью. Судьба политэкономии (особенно в неомарксистской интерпретации) скромная, но и познавательная: интегрироваться в качестве органического фрагмента в общую экономическую теорию (если таковая станет реальностью в XXI в.) и/или сосредоточиться на выдвигании предметных концепций, то есть по конкретным объектам и субъектам экономического анализа. Реалии XXI в. дают определенные шансы для внесения дополнений и уточнений по традиционной тематике, к которой относятся отношения труда и капитала.

Отношения труда и капитала, их методологический статус в политэкономии – тема давняя, с полярными позициями и в чем-то неисчерпаемая. С конца XIX в. противостоят друг другу две концепции. Первая (марксистская) исходит из следующих тезисов. Источником богатства нации является труд. Ключевое понятие в политэкономии – стоимость [20], особо стоимость и потребительская стоимость товара «рабочая сила». Скрытая природа капитализма состоит в эксплуатации наемного труда, что выражается в присвоении капиталистами (собственниками средств производства) прибавочного продукта (Маркс дал ему специфическое название *прибавочная стоимость*). Неомарксистская политэкономия предлагала и предлагает другой маршрут

исследования отношений труда и капитала. Совокупный продукт страны создается взаимодействием трех факторов производства (земля, труд и капитал). Иногда в схеме Ж.-Б. Сея добавляют четвертый фактор – предпринимательство. Базовым понятием в маржинализме является предельная полезность и сопутствующие понятия и величины. Отношения труда и капитала можно и нужно регулировать через различные инструменты воздействия на соотношения доли первичных доходов (зарплата, прибыль, процент, рента) в структуре ВВП и ВНП, добавленной стоимости. Мониторингом этой динамики регулярно занимается лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман.

Попытки примирения марксизма и неоклассики (М. И. Туган-Барановский, экономисты-математики) пока не увенчалась успехом, хотя и вызвала к жизни особую ветвь экономических изысканий – эконометрику. Причина фиаско с диалогом, видимо, не только и не столько в политизации отношений труда и капитала. Предметом анализа у противоборствующих сторон являются, на наш взгляд, различные срезы экономических отношений: у марксистов – социально-экономические (кто кого и как эксплуатирует) и организационно-экономические (вклад каждого фактора производства в совокупный результат деятельности нации за год или в динамике). Марксисты уверены в антагонизме отношений труда и капитала, который преодолевается революцией трудящихся. Неоклассики исходят из постулата о возможности исторического компромисса интересов труда и капитала. Отсюда и несовместимость научно-политических приоритетов у марксистов (ортодоксов и неомарксистов) и у представителей иных доктринальных течений в экономической мысли (неоклассики, неокейнсианцы, неoinституционалисты, неозволюционисты). Такое противостояние наблюдается и в постсоветской России.

Неомарксисты не готовы примириться с увяданием былого кумира и ищут резервы обновления политэкономии. Одной из последних по времени попыток является программная статья С. С. Губанова в журнале «Экономист» (2011, № 1). Обсуждая вопрос об исторической прогрессивности капитализма, его источнике и границах, он выдвигает нижеследующие, как он считает, новаторские идеи.

Прогрессивность капитализма по сравнению с простым товарным производством и докапиталистическими формациями – в присвоении по ка-

питалу. Нет и не может быть неценового присвоения по капиталу. Цена производства – главный критерий для капитализма. Социализм, в свою очередь, требует производительного трудового способа присвоения. В основе капитализма коммерциализация науки и знаний, то есть их форсированное превращение в капитал. Капитализму имманентно присуща затратность; имеет место замена трудоемких производств капиталоемкими, то есть трудосбережение [2].

Концептуальные новации С. С. Губанова не столь перспективны, как кажется автору. Здравые рассуждения соседствуют и пересекаются со спорными. Присвоение по капиталу – прописная истина. Но всегда ли оно (присвоение по капиталу) происходит только в деньгах и через цены производства? Вряд ли. Прибавочная стоимость многолика: отношения труда и капитала, неэквивалентный обмен в мировом хозяйстве, государственный капитализм, дискриминация мигрантов, женщин, подростков и др. Капитализм, вне сомнения, затратен (издержки конкуренции), но обеспечивает до сих пор наивысшую производительность труда. Возрастание значения капитала по сравнению с трудом в структуре ВВП и внешней торговли – феномен известный (парадокс В. Леонтьева). История пока не зафиксировала модели эффективного производительного трудового присвоения («развитой социализм» – пример того, как не надо хозяйствовать).

Наемный труд, капитализм, рыночная экономика... Этот концептуальный «треугольник» – второе, многосоставное направление изучения отношений труда и капитала в XXI в. Рассмотрим вкратце эти взаимосвязи.

Современное общество – это общество лиц наемного труда (ЛНТ). Конечно, в структуре занятости присутствуют индивидуальные предприниматели, семейные фирмы, а также представители свободных, творческих профессий. Но костяк занятых составляют ЛНТ. В отличие от марксизма, современная экономическая наука, неотягощенная идеологическими пристрастиями, считает отношения труда и капитала конфликтно-компромиссными. Иными словами, лозунг пролетарской революции не вдохновляет население стран Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР). Отдельный сюжет – перспективы революции в странах не-Запада (Северная Африка, Ближний Восток, Латинская Америка). Коммунистические и рабочие партии (без поддержки СССР и по внутренним причинам) маргинальны, а социал-демократы фор-

мально или фактически сняли тезисы о классово-вой борьбе с миром капитала [15]. В каждой стране Евросоюза социал-демократия отличается своеобразием стратегии и тактики, сочетанием традиционалистов, новых лейбористов (Великобритания и их аналоги), радикалов. Общие платформы и планы действия в западной Европе пока невозможны. Основные принципы рыночной экономики не отвергаются. Одни социал-демократы акцентируют внимание на совершенствовании инструментов регулирования отношения труда и капитала (Трудовой кодекс, трехсторонние комиссии, общенациональные, отраслевые и фирменные соглашения, индивидуальные контракты). Другие партии ЛНТ настаивают на увеличении государственных социальных инвестиций (образование, здравоохранение, повышение квалификации, создание новых рабочих мест с достойными заработками и др.). Разумеется, не исключены массовые демонстрации, акции протеста, забастовки с участием профсоюзов, молодежи, мигрантов с компромиссами ЛНТ и работодателей и без таковых.

После распада СССР вопрос о соревновании двух систем хозяйства (капитализма и социализма) отпал сам собой. Но не исчезла проблема общего и особенного между капитализмом и рыночной экономикой. Обычно ее избегают, но отдельные обращения к этой тематике все-таки имеются, к сожалению, не по инициативе экономистов-теоретиков. Журнал «Полис» недавно провел «круглый стол» на тему «Меняющиеся социальные контуры будущего». Обсуждался главный доклад В. Г. Федотовой, В. А. Колпакова, Н. Н. Федотовой. Эти авторы известны своими магистральными монографиями и циклами публикаций, в том числе в журнале «Вопросы философии» [17]. Ими выделены три вехи экспансии рынка с соответствующими переменами во взаимоотношениях экономики и общества. Первичная глобализация приурочена этими философами к периоду XIX в. – Первая мировая война. Утилизация знаний означала на деле развитие рынка вширь и вглубь.

Новый этап глобализации (1914–1990 гг.) ознаменовался созданием и внедрением массовых технологий с мощными стимулами к организации капитализма. Эта тенденция была прервана структурными кризисами 70-х гг. XX в. (энергетический, продовольственный, кризис неокolonизма и др.). На третьем этапе глобализации также имели место кардинальные перемены: высвобождение общества от диктата экономики;

выдвижение на значимое место политики, этики; культуры; отход от автономии рынков; формирование национальных моделей капитализма; нарастание риска и неопределенности в мировых процессах. Авторы концепции трех трансформаций идут дальше. Альтернативой капитализму и социализму является социал-демократия. Границы между капитализмом и социализмом размываются. Появляются гибридные системы. У капитализма и рыночной экономики появился мощный конкурент в лице не-Запада (нынешние окраины, провинции и полупровинции мирового хозяйства). В ходе обмена мнениями прозвучало утверждение, что категории «капитализм» и «социализм» остались в XX в. [14]. Эта дискуссия плодотворна и перспективна, но с уточнениями. Рыночная экономика старше капитализма [1]. К настоящему времени кризис глобализации еще не преодолен. Соответственно, можно выделить различные варианты посткризисного развития (неолиберальный реванш или стратегическое отступление рынка перед государством (суверенным или в рамках международных экономических организаций, встреч G 8 и G 20)).

Смешанный тип развития – вступление XXI в. Былая концепция конвергенции между капитализмом и социализмом (70-е гг. XX в.) внесла свой вклад в приращение знаний об обществе и его тенденциях. Но в начале XXI в. смешанная экономика имеет принципиально новые измерения: государственно-частное предпринимательство (ГЧП); заимствования инструментов экономической политики, исходящих от разных, частично, несовместимых экономических дисциплин (неоклассика, неокейнсианство, монетаризм, неинституционализм и др.); поиск аналогов взаимодействия на всех уровнях экономики (микро-, макро- и мегаэкономика). Идут споры относительно типологизации систем хозяйства: является ли смешанная экономика особой системой хозяйства, отличной от рыночной? Независимо от итогов будущих исследований на эту тему обращаем внимание на кризис социально-рыночного хозяйства. Состояние государственных финансов и внебюджетных фондов в сочетании с ухудшением демографической ситуации («постарение населения») вынуждает власти в Евросоюзе вводить режим жесткой экономики, пересматривать пенсионные системы в сторону повышения возраста выхода на пенсию (от 62 до 67 лет для отдельных стран), урезать социальные выплаты, повышать взносы ЛНТ в пенсионные фонды и др. В то же время акции протеста

(самые мощные во Франции) не возымели действия на правящие партии. Тенденция к эрозии социальных достижений XX в. – мощная и, видимо, неодолимая. Информация для обстоятельных размышлений и выработки конструктивных рекомендаций и для интеллектуальной элиты России (во власти и в оппозиции)...

Модернизация и трудосбережение. Этот аспект взаимодействия власти и бизнеса, труда и капитала, модернизации и человека возник на фоне глобального кризиса, жертвой которого стала и Россия. Гуманитарная интеллигенция сомневается в успехе модернизации и приводит различные версии, почему президент выдвинул лозунг «Россия, вперед!».

В. Б. Пастухов видит в лозунге модернизации завуалированное отрицание системных реформ [13].

Андрей Рябов называет модернизацию экономики обходным маневром, чтобы избежать реорганизации политических и экономических институтов [6].

Ричард Саква (Великобритания) говорит о том, что подлинная модернизация должна начинаться с сырьевого сектора, преобразования экономики контроля и политики ренты [6].

Маргарита Моммзен (Германия) видит главное препятствие для модернизации экономики в симбиозе олигархии и автократии, а нынешний политический режим оценивает как неосоветский авторитаризм и патронажное президентство [7].

Дм. Травин не видит реального содержания в курсе на модернизацию и находит в нем лишь политический бренд [8].

Владислав Иноземцев не верит в поддержку политики модернизации со стороны правящей политико-экономической элиты. Его вывод: в России мы получили свободное общество с авторитаризмом власти – феномен, невозможный с точки зрения классической социологии.

Нынешнее постсоветское общество нельзя отнести ни к одному из известных типов общественного устройства – это ни западная демократия, ни восточный деспотизм, ни воскресший СССР [9].

Илья Герасимов полагает, что политико-экономический фон для модернизации в России аналогичен тем проблемам, с которыми столкнулись в США и Западной Европе, то есть нет даже надежды заимствовать очевидное и готовое решение [10]. Придется сказать слово и надеяться больше на доходы от остатков советской промышленности (Дм. Медведев). И лишь один из

авторов цикла статей в журнале «Неприкосновенный запас» *Илья Кукулин* обращается к анализу концепции модернизации А. Чубайса, руководителя «Роснано», да и то в ироническом ключе: сентиментальные, ностальгические технологии по образу и подобию поколения «шестидесятников» (содружество «физиков» и «лириков»). Оппонент А. Чубайса не надеется на инновационный прорыв современной научно-технической интеллигенции, особенно среди выходцев из провинции [11]. Наша оппозиция умеренно оптимистическая, и она излагалась неоднократно в публикациях последних двух лет.

Модернизация (обновление, осовременивание) – отнюдь не самоцель, а лишь инструмент, призванный создать благоприятные экономические, социальные, политические, культурные и правовые условия жизни, достойные человека XXI в. Этим целям должны соответствовать приоритеты модернизации и критерии ее эффективности. Относительно приоритетов модернизации позиции экономистов, политиков, бизнеса и граждан существенно расходятся. Академик С. Ю. Глазьев давно выступает за ускоренное внедрение инноваций, относящихся к VI технологическому укладу. Академик В. В. Ивантер императивом модернизации называет трудосбережение [3]. Бизнес (государственный и корпоративный) в зависимости от профиля деятельности отдает предпочтение то информатизации (цифровые технологии), то нано- и биотехнологиям, космическим проектам. Для граждан и федерального центра ближе проекты и программы по энергосбережению. Наш подход основан на диверсификации приоритетов модернизации по отраслям, регионам и технологиям. Эта диверсификация не отменяет общей установки на сбережение населения (добиться к 2015 г. стабилизации численности населения на уровне 143 млн человек, достижения средней продолжительности предстоящей жизни в 71 год) и сбережения всех конкурентоспособных ресурсов России (нефть, газ, лес, рыба, вода и др.).

Примечания

1. Абалкин, Л. И. Размышления о политэкономии // Экономические институты современной России. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – С. 39–40.
2. Губанов, С. Относительная прогрессивность капитализма: источник и границы // Экономист. – 2011. – № 1. – С. 68–85.
3. Ивантер, В. В. Трудосбережение как императив // Экономист. – 2011. – № 1. – С. 3–10.

4. Иншаков, О. В., Фролов, Д. П. Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.) : монография: в 4 т. – М. : Экономистъ, 2007. – Т. 1. – 511 с.

5. Ностальгическая модернизация, или Россия, вперед. Спец. № журнала «Неприкосновенный запас». – 2010. – № 6/74. – С. 89.

6. Там же. – С. 112–130.

7. Там же. – С. 154.

8. Там же. – С. 159.

9. Там же. – С. 172–179.

10. Там же. – С. 197.

11. Там же. – С. 277–301.

12. Пороховский, А. А. Полит. Экономия: современные вызовы и перспективы // Экономист. – 2011. – № 1. – С. 55–67.

13. Пастухов, В. Б. «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России // Полис. – 2011. – № 1. – С. 5–23.

14. Полис. – 2011. – № 1. – С. 98–104 и др.

15. Работяжев, Н. Западная социал-демократия в начале XXI века // МЭ и МО. – 2010. – № 3. – С. 39–55.

16. Расков, Л. (Санкт-Петербург). Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. – 2010. – № 5. – С. 81–95.

17. Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. Глобальный кризис взаимоотношений экономики и общества // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 3–15.

18. Экономические институты современной России : материалы научной конференции памяти М. И. Скаржинского. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 743 с.

19. Неомарксист С. С. Губанов, главный редактор журнала «Экономист», открывает первый номер за 2011 г. программной статьей «Относительная прогрессивность капитализма: источник и границы». В ней критика современной неоклассики сопровождается эмоциями и выражениями, несовместимыми с научной этикой. Но нас заинтересовало другое – скупое признание пробелов в марксистской концепции труда и капитала. Воспроизводим фрагмент в авторской редакции без купюр:

«В рамках двух противоборствующих парадигм (трудовой и неоклассики. – В. П.) предлагается готовый набор общих представлений. Но удовлетворительных пока нет. Если трудовая классика выдвигает объяснение в общем-то верное, но недостаточное, то антитрудовая по сути “неоклассика” довольствуется версией вообще неверной... Секрет относительной прогрессивности капитализма сокрыт в эксплуатации наемного труда капиталом... и поддается объяснению

на основе закона прибавочной стоимости. В принципе здесь все логично. Недостает лишь завершенности перехода от абстрактного к конкретному: абстрактное дано, между тем как путь к конкретному еще не проложен... Советская политэкономия хотя и унаследовала этот пробел, однако особых усилий для его преодоления не прикладывала. Причина ясна: советское общество в гораздо большей мере интересовалось источником и факторами прогрессивности социализма, чем капитализма. Вместе с тем понятна ошибочность возобладовавшего тогда подхода. Он оказался в досадном разладе с логикой истории, которая учит, что не бывает результата без должных предпосылок». См.: Губанов, С. Относительная прогрессивность капитализма: источник и границы // Экономист. – 2011. – № 1. – С. 69.

20. Неомарксисты А. В. Бугалин и А. И. Колганов, осуществив критический обзор взглядов на стоимость Прудона, Н. В. Хессина (МГУ, 60-е гг.) и других авторов, отстаивают реактуализацию теории трудовой стоимости К. Маркса с помощью следующих аргументов. Стоимость не выражается в часах рабочего времени, а учет общественно необходимых затрат труда (ОНЗТ) до производства и обмена товара осуществить невозможно. Пропорции справедливого обмена (концепция Прудона) нереализуемы, но возможно определение правил справедливого обмена (какие правила, когда и как – без ответа. – В. П.).

Задача марксизма, уверяют вышеназванные сторонники трудовой теории стоимости, состоит не в том, чтобы помогать бизнесу считать свои затраты и принимать наиболее эффективные решения. Миссия марксизма в другом – в обнаружении и описании законов генезиса, развития и заката товарного производства и порожденного им капитализма, выяснение природы и противоречий общественных отношений в этих системах. Эти неомарксисты уверяют, что не следует ставить проблему измерения стоимости. Нельзя, мол, исходить из ложной посылки: все, что не квантифицируется, не существует. См.: Бугалин, А. В., Колганов, А. И. Трудовая концепция стоимости и проблемы адекватной трактовки и реактуализации // Вестник Моск. Ун-та. Серия Экономика. – 2010. – № 1. – С. 94–104. Эта странная логика неомарксистов означает сознательную остановку на полпути исследовательского процесса, возвышение абстрактного и низложение конкретного, отказ от инструментальной функции политэкономии в обществе, неумение высказывать прагматические рекомендации. Разумеется, должна быть отвергнута «гегемония» эконометриков, отвергающих анализ явлений, не подпадающих пока математическим моделям.